УДК 82-3.033:882Г-091:802.0.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И РАЗВЯЗКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Шама И.Н.

Символическая интерпретация художественного текста не просто помогает по-новому увидеть оригинал (далее – ИТ), и не только уточняет ту или иную трактовку, сложившуюся при более поверхностном прочтении текста. Для переводчика и интерпретатора проникновение в символику литературного произведения даёт уникальную возможность увидеть действительную картину мира ИТ, которая может в корне отличаться от изложенной открыто автором текста или от принятой в научных исследованиях. Более того, символы, пронизывая весь текст, образуют систему, все элементы которой тесно переплетены. Выявление же этих взаимосвязей способно прояснить «белые пятна» в содержании, раскрыть глубинную логику сюжета, помочь разобраться в характерологическом контексте.

О последнем поговорим особо. Нас будут интересовать пять повестей гоголевского цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть») и «миргородская» повесть «Вий» в оригинале и в английских переводах. Выбор материала объясняется тем, что эти повести сюжетно близки, и, главное, в них народно-мифологическое мировоззрение оказывается необыкновенно значимым, что, в свою очередь, позволяет наглядно увидеть возможности символической интерпретации художественного текста.

С точки зрения символики протагонисты образуют четыре группы:

1. представители «своего» пространства (Грицько, Данило, Хома);
2. представители «чужого» пространства, иномирия (Басаврюк, Пацюк, русалка, панночка-ведьма, колдун);
3. медиативные персонажи (Вакула, Катерина);
4. персонажи, меняющие свою принадлежность по мере развития сюжета (Петро).*

Фактов, подтверждающих такое деление, в текстах можно найти множество. Пока обратим внимание на то, что оказывается общим для всех повестей: в каждой из них толчком к развитию сюжета становятся матримониальные планы протагониста («Ночь перед Рождеством», «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала») или опять-таки брачный союз главного героя («Страшная месть»). Особняком стоит «Вий», но и он вписывается в данную схему, поскольку антагонистом Хомы выступает панночка-ведьма.

Ещё один момент: во всех повестях главный герой проходит испытание (фольклорный мотив) и для этого вступает в символический контакт с персонажем из иномирия: Грицько - цыган («Сорочинская ярмарка»), Петро – Басаврюк («Вечер накануне Ивана Купала»), Левко – русалка («Майская ночь»), Вакула – Пацюк («Ночь перед Рождеством»), Данило, Катерина – колдун («Страшная месть»), Хома – ведьма («Вий»). Шесть повестей и шесть аналогичных сюжетных ходов. Но при этом три финала оказываются для героев удачными, а три – оборачиваются смертью главного героя. Почему?

Мы уже отметили, что анализ будет вестись в рамках символической интерпретации художественного текста и, в частности, в рамках одного их самых древних противопоставлений в человеческой культуре – «своё/чужое». Попробуем посмотреть через эту призму на главных героев и отыскать тот символически значимый атрибут или элемент символического кода, наличие/отсутствие которого и предопределяет

---

* Такое деление – обобщённое. В нём «свое» – это бытовое, земное пространство, а «чужое» – пространство наоборотное, иномирие. При этом не учитываются случаи внутренней поляризации, как, например, тот факт, что Грицько для Параски представляет «чужой» мир в пределах «своего» пространства, а сама она переходит в финале в этот мир (ср. символику свадебного ритуала).

исход сюжета. Нечто, что образует «брешь» в символической «защите» героя от разрушающего влияния «злого», «чужого» пространства и позволяет иномирию лишить героя жизни, души или того и другого вместе.

При этом будем помнить, что «своё» отделяется от «чужого» по принципу нормы/ антинормы. Значит, нам необходимо отыскать символическое отклонение от нормы, которое будет присуще Петру, Даниле, Катерине и Хоме, но которого нет у Вакулы, Левка и Грицька. Учтём также, что характерологический контекст должен рассматриваться *до* контакта героев с «добрым»/ «ложным» помощником или антагонистом из иномирия.

Символика портрета не может дать ответ на поставленный вопрос. Внешность протагонистов до символического контакта Гоголь не описывает. Только у Левка – карие очи, чёрные брови и усы [1,с.60], а у Грицька – яркие, огненные очи, загорелое лицо, «исполненное приятности» [1,с.26]. Но это – абсолютная норма для «своего» пространства. Портретные описания всех остальных героев появляются *после* их контакта с иномирием, и в них отмечаются только отклонения от нормы. Можно, таким образом, заключить, что до символического контакта аномалий в портрете не было. Они – следствие того, что иномирие пробило ту самую брешь в одной из символических границ, защищающих героев, и, значит, ответ на вопрос, поставленный в начале, лежит не здесь.

Нет его и в других символических кодах, связанных с характерологическим контекстом. Все персонажи живут в «своём» пространстве, все одеты по нормам этого пространства, все общаются с теми, кто тоже живёт в этом пространстве (за исключением Вакулы, но он – кузнец, и, значит, для него общение одновременно со «своим» и с «чужим» миром – норма). Так в чём же причина разного финала? И есть ли она?

Да, есть. Причём Гоголь имплицитно называет её уже в «Сорочинской ярмарке» – первой повести «Вечеров». Вспомним сцену знакомства Черевика с Грицьком. Чтобы склонить отца Параски на свою сторону, Грицько, во-первых, называет Черевика по имени, т.е. показывает, что он знаком с ним, что Черевик для него «свой», а во-вторых, сразу же говорит, чей сын он сам, т.е. индицирует свою принадлежность к определённому, причём хорошо знакомому, «своему» семейству. Только после этого Гоголь пишет о них, как о «приятелях», и только после этого «пошло лобызание» [1,с.30].

Английские переводы эту сцену воссоздают вполне адекватно. Расхождения в них - допустимы и не влияют сколь-нибудь существенно на символичность ситуации. Есть, правда, одно расхождение, которое с точки зрения символики можно оценивать как некоторую неточность.

Грицько, подчёркивая, что он знает о Черевике всё (а всё знать может только «свой»), утверждает, что он может рассказать «и имя, и прозвище, и всякую всячину» об отце своей «любезной»[1,с.30]. Украинское слово «*прізвище*» (т.е. фамилия), попадая в русский контекст, приобретает дополнительное значение в силу межъязыковой омонимии: «прозвище» как «кличка», ещё одно имя. С символической точки зрения здесь нет противоречия. Такая семантизация лишь усиливает символичность ситуации: Грицько знает не только имя, известное многим, но и «прозвище», знакомое очень узкому кругу особо близких людей. Он, следовательно, претендует на принадлежность именно к этому кругу.

Английские переводчики (по вполне объяснимым объективным причинам) не смогли воспроизвести двойственность семантики, сложившуюся в ИТ вследствие билингвизма его автора. Они (впрочем, не в ущерб ИТ) перевели Гоголя сначала на русский, а затем уже на английский язык: *"your name and your surname"* [2,с.31; 3,с.21; 4,с.19]. Вместе с тем, К.Гарнетт попыталась компенсировать утрату части символического значения. Если *«всякая всячина»* у К.Инглиша – это *"all the rest"*[2,с.31], а у Р.Портновой – *"various other things"* [4,с.19], то у К.Гарнетт перевод звучит, как *"everything about you"*[3,с.21]. Она отмечает, таким образом, что Грицько знает самые мелкие детали о Черевике, известные только очень небольшому кругу «своих» людей.

Итак, возвращаясь к нашему поиску символической аномалии в характерологическом контексте, которая в конечном итоге приводит к смерти (физической и духовной) главного героя, предположим, что этой аномалией может оказаться принадлежность к «своему» или «чужому» роду или отсутствие рода как такового.

В подтверждение этой гипотезы проверим наличие/ отсутствие рода у интересующих нас персонажей. Начнём с повестей, главные герои которых преуспевают в испытании и получают невесту (Грицько, Левко, Вакула). У всех героев есть по крайней мере один из родителей. К тому же в селе, где они живут, их род известен довольно давно. Герои окружены кумовьями и сватами, зятьями и другими родичами.

Совершенно иначе всё выглядит, когда речь идёт о повестях, герои которых погибают. В «Вечере накануне Ивана Купала» первая (и, как оказывается, решающая) характеристика, которую даёт Петру Гоголь, - это его прозвище: *«Безродный»*. При этом добавляет, что *«никто не помнил ни отца его, ни матери»*[1,с.50] (ср.: всё, о чём помнят, знают, относится в фольклоре к «своему» миру). Петро, следовательно, не просто «чужой» для жителей села, но и лишён покровительства рода. А это значит, что

у него нет защиты, причём защиты могущественной и символически очень значимой (ср. культ предков у древних славян).

Прозвище, таким образом, становится символически важным, говорящим, и требует максимально точного воспроизведения. Переводчики понимают его по-разному. К.Гарнетт воспроизводит именно отсутствие у Петра предков, единой семьи, рода: *"Petro, the Kinless"*[3,с.56]. К.Инглиш использует гипоним *"the orphan"* [2,с.57], т.е. передаёт лишь отсутствие отца и матери, что, однако, не говорит об отсутствии рода (ср. у героев, добившихся успеха, как правило, нет либо отца (Вакула), либо матери (Левко, Грицько), но род есть у них у всех).

Отсутствие рода делает Петра очень уязвимым для «чужого» влияния. Его стремление жениться на Пидорке можно в этом контексте понять, как стремление получить всё-таки поддержку рода (своей жены), став частью этого рода, и тем самым обезопасить себя. Но для этого нужно согласие главы рода (отца девушки). Согласие же не получено. Защитная граница не воздвигнута, и поэтому первый же сбой в поведении Петра открывает доступ «чужому», «злому» миру к его душе (и, в конечном итоге, к жизни).

То, что иномирие обязательно вступит в соперничество за душу главного героя, ясно с самого начала повести: первым персонажем, вводимым в сюжет, оказывается не Петро, а его антагонист – Басаврюк. Причём его характеристика схожа с той, которую следом Гоголь даёт Петру: о Басаврюке тоже никто ничего не знал. Но, в отличие от Петра, портретное описание безошибочно определяет принадлежность Басаврюка к чужому, злому миру. Такая последовательность введения персонажей программирует появившуюся идентичность портретов Петра и Басаврюка после завершения сделки с дьяволом [5].

Не получив поддержки рода в добром мире, Петро ищет (и получает) такую поддержку в иномирии. Кровь, пролитая им, накрепко привязывает его к дьявольскому роду. Брак с Пидоркой, род которой принадлежит к «доброму» миру, приводит в результате к возникновению экстремально конфликтной ситуации, когда в центр добра попадает представитель мира зла. Добро стремится восстановить свою власть (вспомним усилия Пидорки вылечить мужа). Но вернуть Петра назад невозможно, ведь он не покаялся и не отказался от совершённого греха и его плодов (золота). Жена не может вернуть его добру насильно. Не может спастись и он сам. Вспомнив всё и ужаснувшись, он пытается вырваться из притяжения «злого» мира, но оказывается лишь «отступником» для рода, давшего ему покровительство (дьявольского рода) и для мира «зла». Это и приводит к трагической развязке: смерти главного героя. Начало же, как видим, было положено «безродностью» главного героя.

Так же, как Петро, погибает в финале Хома Брут. И точно так же, как и Петро, он лишён защиты рода, предков, т.к. неизвестно, откуда он родом, кто были его отец и мать.

Беззащитен перед силами зла и Данило в «Страшной мести». Причина опять-таки в роде, в семье. Женившись на Катерине, Данило размыкает символические границы своего рода, впуская в него представительницу не просто «чужого», но «злого» мира. Катерина вместе с собой приводит и своих предков, принадлежащих (как и она) иномирию. Образуется всё та же конфликтная ситуация «чужого» в «своём». При этом Катерина оказывается как бы в пограничном состоянии: она уже почти полностью принята в «добром» мире, но и «злой», «колдовской» род ещё не перестал считать её «своей». В результате любой её поступок оборачивается разрушительной стороной для мира Данилы. А сам Данило теряет силу в борьбе за свой мир и погибает. По сути же, изначальной причиной его гибели оказывается по*род*нение (пусть случайное, через женитьбу) с иномирием.

Итак, наше предположение нашло подтверждение в символическом контексте повестей. Видимо, именно отсутствие покровительства рода, предков или же принадлежность к антагонистическому роду и служит одной из главных, а, может быть, главной причиной, прогнозирующей и делающей неизбежной трагическую развязку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н.В. Избр. Соч.: В 2-х т. – М.,1984. – Т.1. – С.17-192.
2. Gogol N. V. Village Evenings Near Dikanka/ Transl. by Ch. English // Gogol N.V. Christmas Eve and Other Stories. - M., 1991. - P. 13-250.
3. Gogol N. V. Evenings on a Farm near Dikanka/ Transl. by C. Garnett. - Lnd.,1926.- 328p.
4. Gogol N.V. Sorochinsky Fair / Transl. by R.Portnova // Gogol N.V. Cossak Tales. – Lnd.: Blackwood. – P.1-67.
5. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов). – Запорожье,1996. – 172с.